

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 340.12

*В. М. Будилов***ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА В ИНТЕГРАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА****(к выходу второго издания учебника А. В. Полякова
«Общая теория права: проблемы интерпретации
в контексте коммуникативного подхода»)**

С одной стороны, автор высоко ценит разрабатываемые А. В. Поляковым интегральный и коммуникативный подходы, с другой — считает необходимым продолжить диалог об этих подходах с целью их совершенствования, а также диалог о проблемах и перспективах российской теории права в свете этих подходов. Поводом для статьи стал выход второго издания учебника А. В. Полякова «Общая теория права. Курс лекций». Анализируется актуальность этого издания. Эта актуальность обусловлена сохранением в общей теории права доминирующих позиций этатизма, позитивизма, а также теории естественного права. И одно, и второе, и третье существенно ограничивает правовую коммуникацию, делает ее несовершенной. Рассматривается философская и методологическая новизна, а также преимущества учебника А. В. Полякова в свете акцентов, поставленных в новом издании. Главным из этих акцентов является понятие полноценной правовой коммуникации. Исследуется вопрос, почему коммуникативная теория права среди российских ученых вызывала и продолжает вызывать негативные оценки и острую критику. К причинам таких оценок относятся одностороннее внимание к «постклассическим» положениям и игнорирование дополняющих их неоклассических положений в произведениях А. В. Полякова. Статья содержит предложения по совершенствованию интегрального и коммуникативного подходов. Наиболее целесообразной формой реализации этих предложений является обновленная версия системного изложения коммуникативной теории права в виде учебника или монографии. Библиогр. 28 назв.

Ключевые слова: коммуникативный подход в современном правоведении, А. В. Поляков, общая теория права, полноценная правовая коммуникация, неоклассицизм, общество, проблемы, общественное устройство.

Будилов Владимир Михайлович — кандидат юридических наук, независимый исследователь; vbudilov@mail.ru

Budilov Vladimir M. — Candidate of legal sciences, independent researcher; vbudilov@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

GENERAL THEORY OF LAW IN THE INTEGRATE CONTEXT:
THE CONTINUATION OF THE DIALOGUE

(devoted to the second edition of the manual A. V. Polyakov "General theory of law: problems of interpretation in the context of the communicative approach")

On the one hand, the author appreciates the integrate and communicative approaches, developed by A. V. Poyakov. On the other hand, the author considers it necessary to continue the dialogue about these approaches with a view to their improvement, as well as the dialogue on the problems and the prospects of the Russian theory of law in the light of these approaches. The reason for the article was the release of the second edition of the textbook of A. V. Polyakov "General theory of law. A course of lectures". It is examined the relevance of this edition. This relevance is due to persistence in the general theory of law of dominant positions of statism, positivism, as well as the theory of natural law. Both that, and another, and the third significantly limits the legal communication, makes it imperfect. The author examines the philosophical and methodological novelty, as well as the advantages of the A. V. Polyakov's tutorial in light of accents made the new edition. Chief among those accents is the concept of a full-featured legal communication. It is explored the question, why the communicative theory of law among Russian scientists caused and continues to cause negative assessments and sharp criticism. The reasons for such assessments include a one-sided attention to "postclassical" provisions and ignoring the neoclassical provisions that complement the latter in the works of A. V. Polyakov. The article contains suggestions for improving the integrate and communicative approaches. The most appropriate form of implementation of these suggestions, is an updated version of the system presentation of communicative theory of law in the form of a textbook or monograph. Refs 28.

Keywords: the communicative approaches in the modern jurisprudence, A. V. Poyakov, general theory of law, a full-featured legal communication, neoclassicism, society, problems, social order.

В 2001 г. в России появился учебник по общей теории права нового типа — «Общая теория права. Курс лекций». Этот учебник был создан А. В. Поляковым на основе разработанной им коммуникативной теории права. Философская и методологическая новизна общетеоретического учения А. В. Полякова привлекли к нему заслуженное внимание не только теоретиков и историков права, но и представителей отраслевых наук как в России, так и в ближнем и дальнем зарубежье. Учебник несколько раз переиздавался. В 2004 г. вышла книга под названием «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода», а через 12 лет, в 2016 г., увидело свет ее второе издание. Номинально эта книга также является учебником. Однако в строгие структурные и методологические рамки учебника автор поместил свое целостное новаторское учение, основой которого стало глубокое исследование предметов, составляющих «классический» курс по общей теории права. В предисловии к первому изданию этого учебника [1, с. 5–7], а также (помимо прочего) во вступлении к ответу на его критику [2, с. 394–395] А. В. Поляков сформулировал несколько положений, которые могут использоваться для оценки любого научного произведения в правоведении. Опираясь на эти положения, главные достоинства его монографии можно увидеть в следующем.

В *философском плане* учебник А. В. Полякова стал прорывом к новым концептуальным построениям, свободным от узких рамок жесткого позитивизма и этатизма, многие десятилетия до этого безраздельно господствовавших в российском правоведении. При этом автор глубоко исследует и позитивное право, и институт государства, существенно корректируя их значение по сравнению с существующими теориями.

В рассматриваемой работе и в других произведениях А. В. Полякова есть множество высказываний, выражающих его положительное отношение к так называемым

мым постклассическому и постнеклассическому направлениям философии. Здесь на передний план выступает, условно говоря, первое «Я» А. В. Полякова. Исходя из названного отношения, коммуникативную теорию действительно можно считать и «постклассической», и «постнеклассической». Философские и отчасти терминологические расхождения этих направлений с господствующими в правоведении «классическими» философскими направлениями нередко приводят к тому, что рассуждения и теоретические конструкции А. В. Полякова в духе «постклассики» и «постнеклассики» для многих оказываются камнями преткновения. Соответственно его теория в обзорах новейших теорий попадает в рубрику «постклассической» или «постнеклассической», включая такие оценки, как «максималистская» [3, с. 63] и даже «дестабилизирующая обстановку (! — В. Б.)» [4, с. 13]. Однако такие резкие оценки свидетельствуют о поверхностном знакомстве с коммуникативной теорией и новейшими философскими направлениями, которым она следует.

При глубоком анализе практически каждого элемента теории А. В. Полякова можно обнаружить его второе «Я», которое можно назвать *неоклассическим* [5, с. 95–97]¹. На двоякую философскую направленность коммуникативной теории права, ссылаясь на рассуждение Р. Тарнаса, указывает сам А. В. Поляков: «В *постнеклассической* интеллектуальной ситуации различимы два *противоположных импульса*: *первый* направлен на радикальное... разоблачение знания, верований, мировоззрений, *второй* же — на радикальное воссоединение и примирение. На поверхностный взгляд, эти импульсы враждебны друг другу, однако при внимательном рассмотрении в них можно увидеть *две поляризованные, но взаимодополняющие тенденции*, устремленные к единой цели... развить гибкую систему... которая... не упрощая всей сложности... реальности, могла бы служить опосредующим звеном, объединяющим и проясняющим все это многообразие... развить такой культурный способ видения, наделенный внутренней глубиной и универсальностью, который... смог бы сложить разбросанные осколки знания в подлинную и связную картину, а также подготовить плодородную почву... для грядущих перспектив (курсив наш. — В. Б.)» [6, с. 98]. Иными словами в постнеклассике, почти как в классике, имеются анализирующее и синтезирующее направления исследования и деятельности.

Исходя из названных двух направлений теории А. В. Полякова, все его попытки «радикального разоблачения знания» о праве, с разной интенсивностью доминировавшего в науке многие и многие десятилетия, следуют *первому* направлению — выполнением *аналитического* пункта программы исследования соответствующих элементов правовой действительности. В целом же коммуникативная теория имеет (*вторую*) «воссоединительную», т. е. *синтезирующую*, конструктивную направленность. Ведь главной целью трудов А. В. Полякова более чем двадцати последних лет была *интегральная теория права*. Эта теория, по замыслу автора, с одной стороны, должна была *устранять концептуальное противостояние* между этатистской, естественно-правовой и социологической юриспруденциями [1, с. 7],

¹ Поскольку Е. В. Тимошина обращается своей статьей прежде всего к А. В. Полякову, то наши оценки и предложения по совершенствованию коммуникативной теории права во многом следуют за разрабатываемым Е. В. Тимошиной проектом неоклассицизма — как *контрпостмодернистской* научной программы [5, с. 95–100].

а с другой — объединить жизненные идеи основных правовых школ и направлений [6, с. 100].

Последнее направление коммуникативной теории явствует также из историко-философского аспекта центрального ее понятия, которое А. В. Поляков онтологически возводит к началам любого, т. е. и догосударственного, социального бытия, а гносеологически — к идеям наиболее классических философов всех времен: «Коммуникация — это эйдетическая скрепа любого общества, его внутренний смысл и интенция. Коммуникация является не только условием и формой существования социального вообще и права в частности, но и онтологическим основанием жизни социума. Коммуникативные начала (явные и скрытые) можно найти у многих “классических” мыслителей, серьезно занимавшихся социальной проблематикой, начиная с Платона. Даже знаменитая максима И. Канта, в соответствии с которой “человек должен всегда восприниматься как цель и никогда только как средство”, не может быть понята вне коммуникативного контекста... трактовка человека только как средства разрушает саму возможность коммуникативного контекста (курсив наш. — В. Б.)» [6, с. 61]. Именно это синтезирующе-конструктивное, неоклассическое «Я» А. В. Полякова является, по нашему мнению, его главной научной ипостасью. Во многих его произведениях это другое «Я» проявляется с особой отчетливостью. В философско-правовом аспекте это «Я» достигает высокого уровня интегрального правопонимания. В историческом аспекте это «Я» весьма успешно пытается продолжить развитие российской теории права в интегральном и коммуникативном направлениях. Усиление этого неоклассического историко-философского направления представляется нам наиболее перспективным для развития коммуникативной теории права и плодотворным для российской правовой действительности и российского правоведения!

В методологическом плане А. В. Поляков также активно использует «классические» подходы. В предисловии к первому изданию своего учебника А. В. Поляков говорит, что ему импонирует понимание специфики лекции, сформулированное П. А. Флоренским [1, с. 6]. Методология же самого Флоренского (так же как философская основа коммуникативной теории права) восходит к лучшим образцам «классической» греческой (в особенности к Сократу) и «классической» (отчасти идеалистической, отчасти романтической²) философии Нового времени. Методологию учебника А. В. Полякова хорошо характеризует следующая приводимая им цитата: «Лекция — это посвящение слушателей в процесс научной работы, приобщение их к научному творчеству, род наглядного и даже экспериментального научения методам работы, а не одна только передача “истин” науки в ее “настоящем”, в ее “современном” положении... в курсе лекций многое, в действительности будучи связано органически с целым и действительно живя с целым одною жизнью... [порой] боковой побег растения, питаюсь соками главного стебля, — одно тело

² См., напр., примечание А. В. Полякова: «Представление о философии как о живом, целостном знании встречается в западной мысли (Ф. Г. Якоби, Ф. В. Шеллинг и др.). Оно последовательно развивалось русскими мыслителями-славянофилами, школой В. С. Соловьева и др.» [6, с. 74]. Свидетельством частичного философского родства учения А. В. Полякова с романтизмом является следующее его утверждение: «Как следствие всех новейших достижений и открытий, изначальный замысел романтизма — примирение субъекта и объекта, человека и природы, духа и материи, сознательного и бессознательного, рассудка и души — вновь появился на сцене, теперь уже с новой энергией» [6, с. 98].

с ним; но из идеи целого растения не следует того, чтобы эта побочная отрасль выросла непременно. Иногда избыток второстепенных стеблей может быть в ущерб растению; тогда дело индивидуального такта (а не логики) решить, что именно оставить развиваться и что — отсекнуть. Не иначе и в курсе лекций» [7, с. 63–64].

Во многом благодаря следованию этой методологии произведение А. В. Полякова стало весьма успешной попыткой создания целостного общего учения о праве. Одновременно автор убедительно показывает, что общая теория права не должна быть теорией «вечных» и заданных какой-либо инстанцией готовых истин и формул. Исходя из этого, его учение является *теорией-диалогом* и готовит к *дальнейшему* диалогу о праве и, соответственно, к его развитию. Автор уверенно отходит от авторитарно-дидактической традиции изложения общей теории права. Его учебник способствует «со-мыслию», «со-творчеству», мягко подводит к собственным рассуждениям, разрушает веками сложившиеся стереотипы о том, что юристы — это буквоеды, «сухие» чиновники, бюрократы, субсуммационные «аппараты». Далеко не все отзывы на это произведение были положительными: слишком многое в нем расходилось с господствующими и широко распространенными теориями, понятиями и концепциями³.

Одной из *структурных* особенностей этого учебника является его *загруженность цитатами*, подстрочными и внутритекстовыми примечаниями. Эта загруженность объясняется самим автором [1, с. 5–6] (и, по нашему мнению, вполне оправдывается) диалогической концепцией изложения. Лишь ввиду этой загруженности рассматриваемый учебник А. В. Полякова в большей мере подходит для юридических учебных заведений, готовящих юристов широкого профиля, чем готовящих узких специалистов; в большей мере — для уровня магистров, аспирантов и для переподготовки практиков, чем для первокурсников и бакалавров; в большей мере — для исследователей и (будущих) преподавателей права, чем для «вечных» учеников, которые до конца своей профессиональной карьеры считают высшим правом инструкцию, полученную от вышестоящего «учителя». Другой, «облегченный» вариант учебника «Общая теория права», написанный А. В. Поляковым совместно с Е. В. Тимошиной [12], лишен этого «недостатка» в угоду лучшего восприятия менее подготовленными читателями: первокурсниками-юристами, студентами неюридических специальностей, изучающими право. Однако профессиональным философам, социологам, политологам, историкам, культурологам и т. п., интересующимся правом, мы полагаем, целесообразнее обращаться все-таки к продвинутой версии учебника А. В. Полякова, поскольку в этой версии более тщательно

³ Приведем лишь несколько примеров. Расхождение теории А. В. Полякова с этатистскими теориями ярко демонстрирует ее критика М. И. Байтиным. [4, с. 111–114]. В основном за нетрадиционность критиковал теорию А. В. Полякова И. Ю. Козлихин [8, с. 31–40]. Главным образом за «пышность» некоторых «словесных конструкций» критиковали А. В. Полякова Е. Б. Хохлов и Ю. И. Гревцов [9, с. 4–22]. С позиций либертарной теории критикует учение А. В. Полякова Н. В. Варламова [10, с. 88–102]. В некотором смысле критика с противоположной, «постклассической» стороны содержится в статье А. В. Стовбы. Этот ученый упрекает А. В. Полякова, помимо прочего, за «шаг назад в методологическом отношении»; за раскрытие содержания его концепции «при помощи аппарата классической теории», эвристическая ценность которого, по мнению А. В. Стовбы, аннигилирована уже самим фактом коммуникативного осмысления [11, с. 206]. Наше мнение относительно аппарата классической теории в значении понятийного аппарата правоведения, а также еще несколько критических выступлений в адрес А. В. Полякова см. ниже.

изложены сферы пересечения права со смежными сферами «гуманитарной» действительности.

Предисловие к первому изданию учебника А. В. Полякова содержало высказывание К. Ясперса: ошибочно полагать, будто мысль остается той же самой в переложении. «*Самые маленькие отрывки текста своим настроением могут прояснить нечто, чему не может способствовать никакое изложение*» [13, с. 259]. Из этого суждения автор выводит собственный тезис: текст в тексте может иметь множество контекстов; он может задать «открытость» основному тексту [1, с. 5]. Эти положения не только имеют универсальное герменевтическое значение, но и применимы ко всем произведениям А. В. Полякова. Совсем недавно из-под его пера вышел особо важный «текст в тексте», который как раз и задает новый контекст его «Общей теории права». Речь идет о вышедшем в самом начале 2016 г. *втором издании* учебника «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода» [6]. Основной текст этого издания предваряет *предисловие автора*. Этот «маленький отрывок» заслуживает большого внимания и нуждается в интерпретации.

Первые строчки предисловия создают впечатление, что сам автор умалчивает значение нового издания, ведь, по его словам, никаких принципиальных изменений по сравнению с первым изданием этого учебника в 2004 г. в текст не внесено. Более того, автор сам считает новое издание лишь «своеобразным памятником той эпохи», т. е. конца 1990-х — начала 2000-х, когда «было слишком много разговоров о свободе и правах человека в ущерб чувству солидарности, ответственности и жажде духовного преобразования мира» [6, с. 4]. Дальнейшим же текстом предисловия А. В. Поляков показывает, что второе издание «представляет собой нечто большее, чем подтверждение» [1, с. 5] его воззрений десятилетней давности. На *один аспект* нового контекста своего произведения автор указывает, говоря о главном, по его мнению, изменении в российской правовой действительности, и дает тем самым историко-философский ориентир для новой интерпретации его произведения: «...теперь наблюдается явный дефицит свободы во всех смыслах» [6, с. 4]⁴.

О *втором аспекте* А. В. Поляков прямо не говорит, поэтому мы попробуем реконструировать замысел автора, исходя из нашего опыта обсуждения его теории. Благодаря этой реконструкции «маленький текст» А. В. Полякова можно считать косвенным ответом на вопрос, который поставил перед ним И. Л. Честнов: можно ли считать «диалогом власти и общества» «манипулятивные практики» по формированию общественного мнения относительно перспективности той или иной правовой инновации? [14, с. 29].

В значительной мере обобщая, можно утверждать, что теперь почти все участники дискуссии, вызванной теорией А. В. Полякова, признают большое теоретическое и практическое значение концепта правовой коммуникации. Отстаивая преимущества коммуникативной теории права, приходилось слышать мнения,

⁴ Для интерпретации этого высказывания необходимо принимать во внимание разбор А. В. Поляковым понятия свободы, по крайней мере, в лекции 5 («Право и ценности») его учебника. Именно здесь он определяет право в ценностном аспекте «как справедливо упорядоченную свободу субъектов правовой коммуникации... Между тем очевидно, что содержание правопорядка может быть разным, что свобода может пониматься и как индивидуальная, и как групповая или, например, как соборная; как свобода частного лица и как свобода лица публичного (государства)» [6, с. 333].

принижающие ее ценность: «Но ведь формирование правовой действительности из единого центра сверху вниз по типу отношений власти-подчинения тоже является правовой коммуникацией!» С подобными мнениями нельзя не согласиться! Обостряя контрастность, скажем более: публичное побивание камнями в Древнем мире, публичные казни в Средние века, все «показательные процессы» (в особенности в годы сталинских репрессий и в нацистской Германии), распространявшиеся в последние месяцы через СМИ и Интернет видео казней заложников, террористических актов и т. п. акты *монологической* коммуникации⁵ чуждых нам «правопониманий», философских и религиозных движений были сложными правовыми текстами и актами правовой коммуникации творцов соответствующего, используя термин А. В. Полякова, «неправого» права.

Первый план этих процессуальных (т. е. строго позитивистски — «законных») или фактических расправ вызывает множество вопросов, поиск ответов на которые без учета коммуникативной теории права не даст удовлетворительных результатов. За первой группой вопросов, касающихся легитимности (в определенном смысле — правомерности) действий исполнителей, организаторов, «легитиматоров»⁶ и «законодателей»⁷, возникают вопросы о том, какие цели преследовали названные участники правовой коммуникации. Нахождение ответов на эти вопросы необходимо для определения степени вины каждого из них.

Из публичного характера рассматриваемых актов благодаря коммуникативной теории можно заключить, что в конечном счете эти акты можно считать, во-первых, актами «легитимации» самих этих актов⁸; во-вторых, актами легитимации будущих аналогичных действий, поскольку почти все такие акты были не только актами применения «права», но и попытками невербального «нормотворчества» с помощью «манипулятивных практик» через образы актов устрашения. Эти «практики» косвенно, через страх ограничивали свободу⁹ и, соответственно, права тех, к кому был обращен акт устрашающей коммуникации. Ввиду императивно-монологического характера, эти акты, очевидно, не относятся к той правовой коммуникации, к развитию и совершенствованию которой стремится А. В. Поляков. Более

⁵ Понятия монологической (т. е., очевидно, неполноценной) и диалогической (вероятно, если не тождественной, то, по крайней мере, близкой к полноценной) коммуникации А. В. Поляков различает следующим образом: «Для правопонимания... важно то, что коммуникация может быть императивной (с приоритетностью прямой связи), а следовательно, *монологической* и диспозитивной (с приоритетом обратной связи), т. е. *диалогической*. ...совершенная коммуникация и составляет смысл жизни любого человека. Смысл (со-мысле) предполагает всегда “Другого” как условие существования самого смысла» [6, с. 60–61].

⁶ Например, тех, кто выносит соответствующий индивидуальный «приговор».

⁷ Например, сформулированное в абстрактной форме суждение о «виновности» определенного класса, определенной религии, расы, нации и т. п. «неверных» или «врагов».

⁸ При этом в различные эпохи и у различных народов действует «естественное» правило, результатом которого нередко являются массовые групповые преступления: что совершается публично и получает (по крайней мере, подразумеваемое) одобрение даже малой реферативной группы или лица, обладающего авторитетом или властными полномочиями, то и подразумевается ситуативно легитимным.

⁹ На многофункциональность казней справедливо указывается касательно «грозной», т. е. устрашающей, активности эпохи Ивана IV: «Кровавые расправы Ивана Грозного преследовали не только цель укрепления царской власти, но и подавления всякого инакомыслия и создание атмосферы страха, в которой абсолютная власть самодержца уже не встречала никакого сопротивления» [15, с. 199].

того, как верно отмечает Д. И. Луковская, по его теории, одинокий субъект создать «праведную» правовую норму не может; свобода также является онтологическим условием (предпосылкой) правовой коммуникации [16, с. 11, 15]. Возможно, осознавая необходимость уточнения своей позиции в дискуссии о понятии правовой коммуникации, А. В. Поляков формулирует новый акцент своей теории: *на нынешнем этапе* развития российского правоведения недостаточно признать важность правовой коммуникации; совсем неправильно было бы требовать ее абстрактного «улучшения», «расширения» и т. п. — *российскому правоведению и российской правовой действительности необходима полноценная правовая коммуникация. В наши дни необходимым условием признания правовой нормы «правой», праведной или легитимной следует считать ее создание посредством полноценной (диалогической) правовой коммуникации.* В коротком пояснении к этому понятию очевидна душевная боль А. В. Полякова от созерцания российской правовой действительности наших дней: «...для полноценной правовой коммуникации требуется доверие не по принципу “вручение себя” власти, а по принципу “я и власть равны в своем праве на достоинство”. Победа Левиафана выхолащивает духовный смысл права, превращая его в монологическую коммуникацию, в отношениях типа “приказал—исполнил”. В такой ситуации происходит резкая девальвация... самого человеческого слова и стоящего за ним права, которые становятся разменной монетой в политической игре, угодливо показывая те смыслы, которые хотят видеть “текстотправители”» [6, с. 4]. Разделяя переживания А. В. Полякова, укажем на трудность достижения согласия даже относительно понятия правовой коммуникации¹⁰, не говоря уже о понятии *полноценной* правовой коммуникации. Если гипотетически предположить, что согласие о едином понимании правовой коммуникации достигнуто, то, вероятно, будет обнаружено, что не только в России и не только в наши дни, но и в истории достаточно сложно найти такие модели правовой коммуникации, которые можно считать универсально «совершенными». При этом те модели, которые можно считать относительно совершенными для одних народов и стран, могут быть менее совершенными или вовсе неподходящими для других. Ведь всякая модель общественных и правовых отношений вычленена из контекста живой правовой действительности; лишена множества «маленьких текстов», в которых она возникла и развивалась. Во многих случаях можно наблюдать достаточно успешную «работу» различных модификаций родственных правовых институтов и моделей правовой коммуникации, но применимые к таким случаям унифицированные институты и модели совершенной правовой коммуникации, если и возможны, то лишь в виде очень грубых схем, требующих всякий раз национальной и исторической конкретизации. Итак, мы полагаем, что *введением понятия полноценной правовой коммуникации* А. В. Поляков, с одной стороны, открыл для своей теории *новые горизонты*: это понятие существенно расширяет сферу применения коммуникативной теории права; оно позволяет использовать коммуникативный подход более дифференцированно, с большим спектром разграничений, в частности при исследовании всевозможных аномалий в правовой действительности. С другой стороны, приведенное описание полноценной правовой коммуникации достаточно лишь для круга единомышленников; как для проведения этого поня-

¹⁰ Пристальный критический разбор понятия правовой коммуникации предпринимает в своей статье А. В. Стомба [11].

тия через огонь критики, так и для учебных целей *это понятие нуждается в более глубокой проработке, а также (желательно) в определении или в более четком описании.*

В последнем абзаце своего предисловия А. В. Поляков называет *два источника, которые он считает хорошим дополнением ко второму изданию его учебника и «некоторого рода его оправданием»* [1, с. 4]. Что касается второго издания рассматриваемого учебника, то его главным «оправданием», по нашему мнению, является сохранение актуальности несчетного числа реформаторских идей как критической, так и конструктивной направленности, содержащихся в фундаментальном труде А. В. Полякова. Эта *актуальность обусловлена* главным образом сохранением в общей теории права (не только российской) доминирующих позиций этатизма, позитивизма, а также теории естественного права (в особенности его третьей версии, по классификации А. В. Полякова). И одно, и второе, и третье существенно ограничивает правовую коммуникацию, делает ее несовершенной.

Главным же недостатком *этатизма и современной версии юридического позитивизма* является присущая им направленность на легитимацию именно монологической правовой коммуникации, типичной для абсолютных монархий и не чуждой многим современным республикам не только с так называемой сильной президентской властью, но даже с сильным парламентом. В последних правотворческая коммуникация часто ведется в строгих рамках господствующих ценностей, например патриархально-патерналистских или так называемых общеевропейских, общечеловеческих и т. п. Такие ценности в каждом конкретном случае могут иметь преимущества и недостатки. Однако если эти ценности теряют связь со своими историческими корнями и онтологической основой, когда эти ценности превращают в абсолюты и окаменелую догму, то они становятся очередной версией естественного права со многими негативными последствиями, присущими прежним версиям этого типа правопонимания¹¹. Полноценная коммуникация с представителями других типов правопониманий (кроме как в узких научных кругах) часто не ведется: главы государств, парламентарии и чиновники, не допуская сомнения в своей правоте, их игнорируют или осуждают, не разобравшись с предметными аргументами своих оппонентов. Общие теории права, в основе которых лежат названные понимания права или их комбинации, направлены, на первый взгляд, на защиту соответствующей «государственности». На деле же последовательное и длительное следование этим теориям, отвергая полноценную правовую коммуникацию, не перестает порождать кризисные ситуации и уже погубило множество государств, в том числе и Российскую империю, и Советский Союз.

Полноценная правовая коммуникация может не совпадать с формально установленной правовой коммуникацией. Более того, развивая идеи А. В. Полякова, можно утверждать, что и в поисках права, и в поисках полноценной правовой коммуникации обстоятельства порой требуют ухода от формального понимания права и нахождения для него опоры в нравственности, истории, философии, культуре. Отказ же или неспособность разрешения общественных проблем в формально установленном порядке приводит к тому, что соответствующая проблема продолжает накапливать негативный потенциал до ее неформального разрешения. Такое

¹¹ Подробнее об этих недостатках см. [6, с. 77–79].

разрешение происходит, как правило, в самый неподходящий момент и часто оказывается деструктивным; в худшем случае оно может разрушить соответствующее государство (например, в результате революции или распада на части). Описанная модель развития событий ввиду многократности повторения повсеместно известна, но примеры пагубности сугубо догматического отношения к соответствующим правовым системам и так называемым системам ценностей не прекращаются до сих пор!

Теперь необходимо сказать несколько слов о предложенных А. В. Поляковым дополнениях ко второму изданию его учебника. Дополнением его «Общей теории права» в полном смысле является книга «Коммуникативное правопонимание», поскольку только она представляет собой собрание его трудов, которые, согласно аннотации, посвящены обоснованию различных аспектов его теории. Из аннотации к этой книге следует, что А. В. Поляков задумывал ее как дополнительное учебное пособие к курсам «Теория права и государства», «Философия права», «История политических и правовых учений». Строгого разграничения, какое из произведений этого сборника следует считать дополнением именно к «Общей теории права и государства», а какое — нет, провести невозможно. В той или иной мере все произведения, входящие в этот сборник, наряду с общетеоретическими затрагивают смежные философско-правовые и исторические предметы, а философско-правовые и исторические статьи интересны и с общетеоретической точки зрения.

Вторую книгу [17], рекомендованную А. В. Поляковым в качестве дополнения к его учебнику, правильнее считать, вероятно, дополнительной литературой ко *всякому курсу* «Общая теория государства и права», но не дополнением к его учебнику в строгом смысле. С одной стороны, действительно, практически все опубликованные в этой двухтомной коллективной монографии статьи связаны с коммуникативной теорией права. Но, с другой стороны, связи эти разнообразны: от высоких оценок, попыток развития в общей теории права и применения в практических отраслях правоведения до предложений совершенствования, критики и отстаивания воззрений, *противостоящих* общетеоретическому учению А. В. Полякова. Сильно обобщая содержание этого сборника, можно утверждать, что, с одной стороны, коммуникативная теория права приобрела множество сторонников, но, с другой стороны, с нашей точки зрения, перед ее автором стоят **несколько взаимосвязанных задач**.

На первом этапе ради совершенства коммуникации автору необходимо подготовить ответы на новую критику¹², а также обработать множество искренних попыток «со-мыслия» и «со-творчества», т. е. предложений по совершенствованию его теории. Затем ради совершенствования плана выражения его учения, по нашему мнению, А. В. Полякову необходимо подготовить такую новую версию целостного изложения (в особенности желательно в форме учебника), в систему которого были бы интегрированы, во-первых, его исследования периода 2003–2016 гг., во-

¹² Научная обработка *всех* критических отзывов, по-видимому, невозможна. На ранее данные, наиболее фундаментальные из них автор уже дал развернутый ответ (см., напр.: [2, с. 394]). Избирательным образом эту работу автору целесообразно продолжить: возможно, она позволит усовершенствовать коммуникативную теорию права (необходимость чего исключить никогда нельзя), вероятно, приведет к лучшему пониманию этой теории (дефицит которого выявился в ходе ее обсуждения) и определенно расширит поле конструктивной диалогической научной коммуникации в общей теории права (к которой и призывает А. В. Поляков, отвечая своим критикам).

вторых, новые тексты, которые отразят изменения его воззрений¹³, в-третьих, обработка критики и предложений по совершенствованию. Необходимость включения наиболее типичных критических замечаний в адрес коммуникативной теории права с соответствующими ответами на них в системное изложение этой теории (в частности, в виде учебника) обусловлена сохранением господства в российском правоведении этагизма и позитивизма¹⁴, достаточно близкого к узконормативному пониманию права советской эпохи. Это господство «указывает» на несколько обстоятельств, которые А. В. Полякову следует учитывать в ходе его дальнейшей работы.

В правовую действительность вошла и продолжает входить не только коммуникативная теория, но и ее критика¹⁵. Велика вероятность того, что с коммуникативной теорией будет знакомиться тот студент или юрист-практик, который уже имеет правопонимание, радикально расходящееся с этой теорией. Более того, пока еще для многих российских юристов источником первичного знания о коммуникативной теории являются именно критические замечания о ней. Такое гипотетическое противостояние даже части аудитории не позволяет излагать теорию в избранном А. В. Поляковым, идеальном для лекции стиле «собеседования в среде духовно близких друг другу лиц» [1, с. 6]. Следуя приводимым автором органическим образам П. А. Флоренского, весь курс (система) коммуникативной теории должен пока рассчитывать не только и не столько на благоприятную, а в большей мере на агрессивно-противодействующую среду. Общение с относящимися к ней читателями намного сложнее, чем с духовно близкими учениками и коллегами. Для убеждения в преимуществах коммуникативной теории при изложении соответствующих положений нельзя обойтись без указаний на расхождение с представителями других теорий.

Всякое внедрение в теорию права нового понятия требует обоснования не только ради методологической и системной корректности, но и ради правильно-

¹³ Об этих изменениях А. В. Поляков упоминает в первых строках предисловия ко второму изданию своего учебника: за время, прошедшее после выхода в свет первого издания, «определенные аспекты теоретико-мировоззренческих представлений автора о праве оказались скорректированными» [1, с. 4].

¹⁴ Дополнением коммуникативной теории права может служить статья В. М. Сырых в указанной А. В. Поляковым коллективной монографии. В этой статье автор разбирает нескольких фундаментальных недостатков современного российского позитивизма (с указанием на преимущества теории А. В. Полякова). Окончательный вывод автора суров, но, по нашему мнению, справедлив: «...позитивистская доктрина страдает многими пороками... Раздираемая содержательными противоречиями и неспособная... парировать критику в свой адрес других правовых теорий, доктрина не в состоянии должным образом выполнять свое высокое социальное предназначение — вооружать государство и общество научно обоснованными рекомендациями относительно дальнейшего развития политико-правовой практики. Поныне стойкий позитивист, продолжает... традиционную сагу о господской воле законодателя как единственном источнике права... Российским правоведом следует все же перестать держаться за позитивистскую доктрину на том основании, что она наилучшим образом оправдывает законодательный произвол авторитарно ориентированной государственной власти» [18, с. 143–144].

¹⁵ Влиятельные представители господствующего в настоящее время в России правопонимания критикуют А. В. Полякова в особенности за его (справедливую, по нашему мнению) отрицательную оценку влияния марксизма на российское правоведение (см., напр.: [3, с. 63]). Ради полноты контекста необходимо обратиться к статье А. В. Полякова, на которую ссылается М. Н. Марченко [19, с. 222–223]. Здесь А. В. Поляков подверг критике как раз несколько суждений М. Н. Марченко относительно современного состояния общей теории права.

го философского и историко-лингвистического понимания отстаиваемой теории, а также для ее дальнейшего развития и успешного применения. Расширению потенциального круга читателей и сторонников коммуникативной теории содействовало бы углубление филологической и исторической обработки наиболее сложных и уязвимых для критики положений. Важно отметить, что *почти все необходимые материалы для этой обработки в работах А. В. Полякова есть*. Уже мыслители-юристы золотого и Серебряного века русской культуры, одним из лучших специалистов по которым как раз является А. В. Поляков¹⁶, создали такой понятийный аппарат правоведения, который до сих пор может использоваться для описания большей части философских, методологических и теоретических аспектов современной правовой действительности¹⁷.

Упомянутые выше возможные усовершенствования коммуникативной теории права можно рассматривать как *тактическую* и (вероятно) *среднесрочную* задачу для самого А. В. Полякова. Формой исполнения этой задачи может быть новое издание его учебника или его новая монография. Иначе обстоит дело с теми задачами, которые могут быть поставлены благодаря коммуникативной теории перед российской общей теорией права. С этой точки зрения понимание, развитие и успех коммуникативной теории права необходимы не столько самому А. В. Полякову, сколько российской общей теории права и российскому правоведению: это понимание, это развитие и этот успех *являются важными предпосылками преодоления как общих проблем современного правоведения, так и проблем российской общей теории права*.

Общие проблемы во многом обусловлены широкой распространенностью одномерного понимания права¹⁸, а также недостаточным или несовершенным использованием исторического метода [22, с. 32–34]. Важным предметом для тщательного исследования историческим методом является эпоха модерн. Эта эпоха имела несколько этапов и слагалась из нескольких философских направлений, каждое из которых требует глубоких исследований.

В конце XX — начале XXI в. одно за другим происходят радикальные изменения историко-национального, философского и геополитического контекстов. Эти новые контексты требуют новых историко-правовых и философско-правовых исследований и новых интерпретаций правовых институтов общественного и национально-государственного устройства, которые возникли как раз в эпоху Просвещения. Критический разбор этих идей начался почти сразу после их выдвигания. Критики этих идей чаще всего были монархистами, т. е. в качестве альтернативы они предлагали сохранение монархии или возврат к ней, что сильно ослабляло их

¹⁶ Кроме названных выше произведений А. В. Полякова в качестве «обязательного» дополнения к его теории следует назвать значительную часть учебника «История политических и правовых учений», который был написан им в соавторстве с И. Ю. Козлихиным и Е. В. Тимошиной [20].

¹⁷ Авторы статьи «Коммуникативный подход и российская теория права» (в том числе А. В. Поляков), признавая заслуги петербургской школы философии права, справедливо обращают внимание на то, что уже в первой половине XX в. российские правоведа «сформулировали проблематику правовой коммуникации и пытались исследовать ее в терминах философии того времени (курсив наш. — В. Б.)» [21, с. 570].

¹⁸ На эту проблему справедливо обращает внимание и В. Д. Зорькин: «Любой одномерный подход чудовищно исказит существо дела и превратит труднейшую проблему, которую мы пытаемся решать, в нечто заведомо нерешаемое» [22, с. 37]

позиции. Странники просвещенческих идей, включая марксистов, называли своих критиков консерваторами, реакционерами и т. п. Критика просвещенческой философии права продолжилась в XX в. в Западной Европе, главным образом в Германии — до 1940-х годов (расистские учения и, условно говоря, критика справа), в СССР и других социалистических странах — до 1980-х годов (условно говоря, критика слева). К концу XX в. оба направления критики просвещенческих понятий получили, таким образом, негативную коннотацию, поскольку эта критика стала ассоциироваться с тоталитарными и расистскими правовыми идеологиями. Вывод этих понятий из-под критики превратил их в новейшую версию естественного права, что (как и в прежних версиях) стало существенным препятствием для научной и правовой коммуникации¹⁹. Несовершенство коммуникации привело к затормаживанию теоретического развития просвещенческих моделей общественного и национально-государственного устройства. Ярким доказательством этого затормаживания является отчасти неспособность, отчасти (формальная) невозможность правительств европейских стран адекватно и оперативно реагировать на череду вызовов последних лет.

Проблемы *российской общей теории права* связаны как с советским этапом ее развития, так и с философско-правовой дезориентацией, наступившей в результате несостоятельности советской правовой идеологии. В поисках альтернатив возникло множество мнений относительно дальнейших путей развития российской общей теории права, всего российского правоведения и российской правовой системы. По сравнению с жесткими рамками дискуссий советской эпохи эти мнения и взаимная критика сторонников различных мнений с историко-философской точки зрения некоторое время были благом. Однако, по опыту личного общения со студентами, практиками и представителями прикладных юридических наук, положение оценивается ими как неудовлетворительное.

У этой неудовлетворительности, по нашим наблюдениям, есть несколько *источников*, которые соответствуют основным задачам общей теории права как отрасли науки. Всякая правовая система ожидает от своей общей теории, помимо прочего: обеспечения достаточно стабильной основы; целостного и структурированного представления о правовой системе; обеспечения внутрисистемного взаимодействия, для которого, в свою очередь, необходима коммуникация на одном «языке»; обеспечения развития правовой системы в целом, для чего необходима «внесистемная» коммуникация. В *советскую эпоху* общая теория права достаточно успешно создавала стабильную основу и четкую структуру советской правовой системы, а также обеспечивала внутрисистемную коммуникацию. Однако повторить тот успех советской общей теории права по ряду причин в настоящее время весьма затруднительно. Главная причина заключается в фундаментальных изменениях российской правовой действительности. Стабильность основы и четкость структуры советской правовой системы во многом были возможны благодаря монополии коммунистической партии на политическую власть (точнее, ее районных и городских комитетов, Политбюро ЦК КПСС и ее генерального секретаря),

¹⁹ В. Д. Зорькин верно говорит о том, что лежащее в основе нашей Конституции понятие «правовое государство» еще ждет своей доктринально-концептуальной разработки [22, с. 29]. Из этого следует, что в основе российской Конституции лежит понятие, которое еще не получило своей доктринально-концептуальной разработки!

авторитарному политическому режиму, системному характеру правотворчества и достаточно высокому уровню единства и дисциплины в сфере правоприменения, а также в правоведении и юридических вузах. Кроме этого, решение всех стратегических вопросов компартией упрощало для теоретиков права обеспечение развития правовой системы и «внесистемную» коммуникацию правоведения. К компетенции теоретиков права были отнесены главным образом тактические задачи и задача обеспечения внутрисистемной коммуникации. В *нынешних условиях* теоретикам права приходится решать значительно более сложные тактические и стратегические задачи. Осознание большой ответственности и рисков обуславливает остроту дискуссий как среди правоведов, так и с представителями других общественных наук. Без определенного уровня согласия по стратегическим проблемам сложно представлять общую теорию права вовне в качестве единой науки. Отсутствие же достаточной степени интегрированности, единства в российской общей теории права ослабляет российскую правовую систему, затрудняет правовую коммуникацию, правотворчество и правоприменение. С одной стороны, мы не говорим ни о единой общей теории права, ни о едином учебнике общей теории права: слишком велик существующий разброс философских позиций; слишком велико было бы ограничение свободы мнений. С другой стороны, по нашему мнению, в уже имеющихся российских теориях есть опорные пункты для некоторой общей философской, методологической и теоретической основы российского правоведения. Литература дает этому множество подтверждений и вместе с тем убеждает в сложности и долгосрочном характере предстоящей работы.

Приведем только один пример. В одном фундаментальном выступлении Председателя Конституционного Суда России В.Д.Зорькина содержится несколько положений, которые следует включить в названные опорные пункты. Во-первых, В.Д.Зорькин при выработке *стратегии* правового развития справедливо требует применения исторического метода. Его суждение в этом отношении, возможно, слишком категорично, но по сути верно: «...принцип историзма в применении к государству и праву сегодня практически не востребован. На практике возобладали подходы, которые игнорируют обстоятельства места и времени. В теории доминирует философия “однозначности”, с любым знаком, исключая сложные и порой очень диалектические оценки происходящего» [22, с. 33]. Из этого положения В.Д.Зорькин обоснованно выводит тезисы о несинхронности исторического развития²⁰; о фундаментальной культурной специфичности²¹. Исходя же из этих тезисов он отвергает вульгарный юридический позитивизм, а также «ложный оптимизм», веру в то, «что завтрашний день — это улучшенный сегодняшний день, и не более» [22, с. 34]. В конце же своего выступления В.Д.Зорькин (почти как 200 лет назад Савиньи) говорит о *проблеме призвания «философии права и ее носителей»*: по его мнению, оно заключается в том, чтобы, не отрываясь от народа, доносить ему

²⁰ Он верно утверждает: «Каждая страна находится на определенном этапе истории. В чем-то она может двигаться быстрее, в чем-то медленнее. Но если она движется, то вопрос о должном и правильном нужно решать, соотносясь с этим движением» [22, с. 34].

²¹ В.Д.Зорькин поясняет: «То, что в одних культурах является благом, в других культурах может таковым не считаться. То, что в одних культурах гипертрофировано, в других культурах может быть фрустрировано, и так далее» [22, с. 34]; «...никто и никогда не сможет предложить единого, раз и навсегда правильного решения» [22, с. 32].

идеи, которые ведут его к праву, ведут к истине [22, с. 45]²². С одной стороны, этот тезис может и должен быть развит, с другой — его развитие вызывает множество вопросов. Тем не менее попробуем сделать первый шаг, следуя коммуникативной теории: для жизненности философии и теории права должна существовать постоянная коммуникация с народом («не упрощая всей сложности» этого понятия). Эта коммуникация должна быть, естественно, совершенная, диалогическая, поскольку при ином общении как раз и происходит «отрыв от народа». Позволим себе еще одно мнение: степень готовности российских философов и теоретиков права нести «народу» «идеи, которые ведут его к праву, ведут его к истине», будут зависеть от успешности преодоления вышеназванных проблем. Перечень проблем российской общей теории права может быть продолжен.

Что же касается *сложностей предстоящей работы*, то подтверждением их наличия служат суждения В. Д. Зорькина, содержащиеся в том же его выступлении. С одной стороны, он (вновь справедливо) критикует российских реформаторов 1990-х годов за отвержение ими исторического и культурного подходов; за неадекватность и вредность применявшейся ими рецептуры, согласно которой для продвижения «из архаики в современность» нужно выполнять некие предписания, не сообразуясь с исторической и культурной спецификой [22, с. 35–36]. С другой же стороны, начало выступления В. Д. Зорькина вызывает несколько вопросов исторического и философского характера, которые можно озаглавить общим вопросом: достаточно ли глубоко и последовательно автор применяет отстаиваемые им тезисы? Из вступительных суждений В. Д. Зорькина следует его высокая оценка и советской философии права²³, и философии права эпохи Просвещения²⁴, и «великих предшественников» нынешней российской Конституции, которыми он видит великие идеи свободы и равенства, порожденные Французской революцией [22, с. 28]. Проблема заключается, по нашему мнению, в том, что при разной политической ориентации (праволиберальной и леволиберальной) российские ре-

²² Все эти положения близки историческому правоведению, которое в первой половине XIX в. оказало существенное влияние на возникавшее тогда российское правоведение (подробнее см.: [23]) и сохраняло его до первой половины XX в., включая правоведов русского зарубежья.

²³ В. Д. Зорькин утверждает: «Российская мысль, российская философия, российская философия права в советских условиях отнюдь не деградировали, напротив, они успешно развивались» [22, с. 29]. Отчасти он прав: в произведениях советских правоведов 1920–30-х и 1950–80-х годов есть множество положений, которые сохраняют свою философско-правовую и общетеоретическую ценность (коротко об этом пишет и А. В. Поляков: [20, с. 838–852]). В то же время по крайней мере философы и философы права русского зарубежья придерживались крайне отрицательного мнения о ленинском периоде. Н. Трубецкой, например, в одном месте акцентирует внимание как раз на борьбе коммунистов с российской культурной спецификой: «Большевики, хотящие во что бы то ни стало всем навязать... грубо-элементарное... мирозерцание, боятся всякого проявления свободного движения мысли, препятствуют проповеди идей, не укладывающихся в марксистские схемы... они стараются в корне подавить всякие попытки национального культурного творчества» [24]. Описанная Н. Трубецким нетерпимость к философско-правовым позициям, выходящим за рамки марксистских схем, в 1930-е годы значительно усилилась [20, с. 847–848] и отчасти сохранялась до середины 1980-х годов. Негативные последствия той нетерпимости можно наблюдать до сих пор не только в России. Конечно же, не «левые» партии, т. е. современные большевики, являются в наши дни основным инициатором укладывания всех народов в одинаковые схемы; и не марксистские схемы имеют наибольшее значение. Главное общее для большевиков и новейших отвлеченных схемостроителей — их стремление «подавить всякие попытки национального культурного творчества».

²⁴ Дословно он говорит о Вольтере и других «великих» философах права того времени [22; 28].

форматоры 1990-х годов и советские теоретики права в значительной мере были наследниками рационалистической философии права эпохи Просвещения. Их философское родство проявлялось как раз в недооценке исторической и культурной специфики. Надо признать, что многие авторы и сторонники политико-правовых идей Просвещения ставили до сих пор актуальные цели: дать власть народу и победить деспотизм (монархов, капиталистов, диктаторов и диктатур). Однако гибель СССР убедительно свидетельствует о том, что критика, высказанная В. Д. Зорькиным в адрес реформаторов 1990-х годов, применима и к советским реформаторам, и ко множеству современных политиков и ученых Западной Европы, в особенности к сторонникам так называемого европоцентризма²⁵.

Приведенные примеры показывают, что в представлениях о правовой действительности даже одного и притом незаурядного правоведа требуется проводить большую работу по внутреннему согласованию, что же говорить о согласии среди всех участников дискуссий о перспективах российской философии и общей теории права. Большая вероятность сохранения разногласий по большому числу пунктов не должна блокировать работу по нахождению пунктов согласия. Такого рода разногласия свидетельствуют и будут свидетельствовать о наличии свободы мнения в российском правоведении, которая является залогом его развития. Это существенное отличие современного российского правоведения от советского дает основание надеяться, что российские философы и теоретики права смогут преодолеть стоящие перед ними проблемы и исполнить высокое призвание, разговор о котором верно возобновил В. Д. Зорькин и которое в конечном счете и по разным причинам не смогли исполнить российские правоведаы ни досоветской, ни советской эпох, ни периода 1990-х годов. Более того, по справедливому мнению В. Д. Зорькина, совсем недавно отказ от исторического подхода породил *стратегические ошибки*; эти ошибки необходимо признавать, анализировать, исправлять [22, с. 34].

Первый пункт работы над этими ошибками возможен лишь при опоре на положение, что *«право», общая теория права и философия права порой бывают «неправыми»*, т. е. на один из основополагающих тезисов теории А. В. Полякова. Что касается аналитической части этой работы, то здесь требуется прежде всего решить, что считать «ошибкой»: в чем именно были «неправыми» российское право, российские правовые идеологии и теории права, а также российские правители и политики, которые облекали свою деятельность в форму правовых актов. Полного единодушия при ответе на эти вопросы ожидать не приходится, а раз достигнутое единодушие может дать трещину или полностью прекратиться. Вероятно, самым ярким примером последних десятилетий является оценка деятельности Сталина. С нашей точки зрения, большой заслугой «несистемных» общественных деятелей и обществоведов 1960–90-х годов было, как казалось тогда, окончательное и почти единодушное историческое осуждение тирании «отца народов», долго игравшего роль центра интеграции советского общества. Существенным элементом нового контекста 2000-х годов (о котором речь шла выше) является принципиально новая

²⁵ Реагируя на недавние попытки нескольких европейских государств отстоять свой суверенитет, сторонники европоцентризма в своих публичных выступлениях предлагают рецепт, который с философско-правовой точки зрения родствен утопическим коммунистическим рецептам столетней давности: они предлагают ни много ни мало отказаться от понятия национального государства!

официальная оценка деятельности Сталина как эффективного менеджера²⁶. Для правоведов деятельность Сталина тесно связана с правовым учением А. Я. Вышинского. Его жестко этикатическое учение является ярким примером партийного правопонимания. Оно достаточно удобно для тех, кто возглавляет соответствующее государство и служит ему. Учение А. Я. Вышинского давало формальную легитимацию практически любому решению «господствующего класса» (что в наши дни может означать «господствующую элиту») или «государственной власти». О независимом следствии и независимой юстиции по политическим и многим экономическим делам при таком правопонимании не может быть и речи. Просветительская функция (т. е. часть правовой коммуникации) юристов, о которой в принципе верно пишет В. Д. Зорькин²⁷, здесь не просто не может быть исполнена, но превращается в свою противоположность: уже не юристы объясняют политикам, куда они ведут народ, а политики «говорят» юристам, как они должны оправдывать их перед народом. Если юристы делают это, то они несут свою долю ответственности перед народом.

Еще более сложным, несомненно, будет конструктивный этап работы над выявленными «ошибками». В целом можно говорить о том, что для этой большой коллективной работы требуются адекватная философская основа и подходящие методологические инструменты. Исходными пунктами должны быть, с одной стороны, отвержение полного релятивизма, а с другой — *признание исторического характера представлений об истине, «идеалах», «ценностях» и т. п. фундаментальных для правовой системы положений*. Многие из таких положений близки к статусу универсальных и вечных, но даже они претерпевают исторические (т. е. эпохальные) и национальные интерпретации. Ввиду этого важны не только соответствующие номинальные положения, но и их интерпретации — как имеющиеся, так и возможные будущие. *Каждое из фундаментальных положений в соответствующей интерпретации должно быть проверено на предмет его реальной ценности для русского народа.*

Исторический метод, конечно же, необходимо применить также к тем учениям и положениям, которые в прежние эпохи получали негативные оценки. Вполне возможно, что эти оценки сохраняют свою актуальность, но нельзя исключать, что та или иная оценка была дана исключительно или главным образом исходя из интересов определенной партии в широком смысле этого слова. Ярким примером такой партийной оценки является политико-правовое учение К. П. Победоносцева²⁸. В. Д. Зорькин совершенно верно предлагает «прислушаться к голосу того, кто (крайне несправедливо) был назван “злым демоном России”» [26, с. 37]. Либералы и социал-демократы дали К. П. Победоносцеву в свое время крайне негативную оценку, в особенности за его критику демократии. С нашей же точки зрения, в учении К. П. Победоносцева есть элементы постнеклассического и коммуникативного понимания правовой действительности. «Постнеклассичность» наиболее ярко обнаруживается в его радикальном разоблачении несовершенств просвещенческой мо-

²⁶ Вслед за этой оценкой начались «перегибы на местах» (например, установка памятников Сталину), которые продолжают до сих пор.

²⁷ Мы имеем в виду высказывание В. Д. Зорькина в завершающей части его выступления: «...задача юристов, вооруженных сущностью права, — объяснить политикам, куда они ведут народ. Если в пропасть ведут, так объясните это» [22, с. 45].

²⁸ Подробно об этом учении и его оценках см.: [25].

дели общественного устройства. Главным коммуникативным элементом является формулирование К. П. Победоносцевым проблемы (говоря современным языком) несовершенства политико-правовой коммуникации посредством всеобщей подачи голосов и СМИ. Произведения К. П. Победоносцева убедительно свидетельствуют, что острое его критики было направлено не столько на демократию вообще, сколько на тот ее искаженный вид — «власть случайного большинства и своекорыстных партий», который он наблюдал в США и Европе того времени²⁹. В этом контексте становится понятным то предпочтение, которое он отдавал российской монархии. Критика же К. П. Победоносцевым общественного устройства той эпохи во многом сохраняет свою актуальность даже относительно современных «образцовых» «демократий».

Помимо иллюстрации вышеуказанной сложности приведенные примеры, с нашей точки зрения, служат аргументом в пользу необходимости широкого понимания коммуникации в правоведении, а также широкого понимания интеграции в философии права и общей теории права. Для выхода на необходимый с практической точки зрения уровень интеграции российской философии и общей теории права современным российским философам, теоретикам права следует конструктивно коммуницировать не только между собой, не только с представителями смежных юридических (прежде всего с историками права и со специалистами по римскому праву) и неюридических наук (философами, историками, политологами и социологами), но и со своими предшественниками в лице их представителей — историков политических и правовых учений. С этим пониманием коммуникации тесно связано широкое понимание интеграции в философии и общей теории права: грядущая интеграция должна учитывать предшествующие попытки интеграции³⁰, но не должна быть ими связана. Пожалуй, важнейшей практической задачей, к решению которой необходимо стремиться, в ходе предлагаемой интеграционной работы является выработка такой новой правовой идеологии, которая позволила бы преодолеть высокий уровень дезинтеграции в российском обществе: дезинтеграции культурно-социальной, имущественной, региональной, национальной и мировоззренчески-философской³¹.

²⁹ Одним из подтверждений этого тезиса служит следующее высказывание К. П. Победоносцева: «...выбор представителей превращается в игру партий... — игру, управляемую интригой, лживыми приманками и подкупом. Так и законодательство попадает в руки людей непросвещенных, нерассудительных, нередко и корыстных, или равнодушных ко всему, что не соединено с интересом партии. ...господствующая система учреждать правление и правительство страны не обеспечивает свободу и не приводит к порядку, но, распространяя и усиливая самовластие случайного большинства, ведет прямым путем к анархии... Простые люди, не удаленные от жизни, спрашивают: как нам быть? Мы бежали от единовластного насилия — и вот пришли к горшему насилию безличной власти случайного большинства и своекорыстных партий. Хотели, чтобы у кормила правления стояли лучшие люди, истинные представители страны, знающие народ свой, а вместо того стали люди партии, оторванные от земли доктринеры и промышленники, ищущие своего интереса и прибытка, люди подобранные не свободным выбором, а лукавой игрой партий и насилием» [27].

³⁰ Одной из новейших попыток интеграции правопониманий является учение А. В. Полякова. Кроме этого, им осуществлено ценное обобщающее исследование нескольких интеграционных попыток, предпринятых в XX в. [20, с. 469–499].

³¹ О необходимости выработки новой правовой идеологии, о проблеме дезинтеграции российского общества и об угрозе распада общества справедливо пишет О. Ю. Рыбаков [28, с. 14–15]. Недостаток его позиции заключается в ее склонности к «партийности»: О. Ю. Рыбаков прямо признает себя сторонником естественно-правового правопонимания. Начало одного его высказывания

Созданная А. В. Поляковым теория уже внесла большой вклад в преодоление российским правоведением «партийных» и односторонних представлений о праве, марксистского историзма, вульгарного юридического позитивизма, а также крайних и новейших форм этатизма и юснатурализма. Ввиду указанных нами преимуществ эта теория (желательно — ее усовершенствованная версия) в лучшей мере, чем другие, может служить отправной точкой для полноценной коммуникации российских теоретиков права между собой и с народом, а также преодоления высокой степени дезинтеграции российской общей теории права. Следуя идеям А. В. Полякова, российской общей теории права, российскому правоведению и российскому народу требуются более широкая полноценная коммуникация и глубокая интеграция. Только в этом случае российские правоведы смогут выработать такие рецепты, которые были бы адекватны для решения актуальных проблем российского народа и были бы для него (как писал К. П. Победоносцев) «плодотворны» [27] в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Поляков А. В. Предисловие к первому изданию // Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М.: Изд-во «Проспект», 2016. С. 5–6.
2. Поляков А. В. Современная теория права. Ответ критикам // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: Изд-во «Алеф-Пресс», 2014. С. 394–439.
3. Марченко М. Н. Проблемы правопонимания и разработки общего понятия права // Теоретические и практические проблемы правопонимания: матер. III Международной науч. конф., состоявшейся 22–24 апреля 2008 г. в Российской академии правосудия / под ред. В. М. Сырых и М. А. Зазиной. М.: РАП, 2010. С. 53–69.
4. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
5. Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимания как стили мышления // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова: коллективная монография. Т. 1: Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 63–100.
6. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М.: Изд-во «Проспект», 2016. 832 с.
7. Флоренский П. А. Первые шаги философии // Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. М.: Изд-во «Мысль», 1996. Т. 2. С. 63–64.
8. Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31–40.
9. Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5. С. 4–22.

в наши дни, вероятно, ни у кого возражений не вызовет: «Правовая доктрина может и должна быть результатом общественного обсуждения с учетом мнений экспертов в различных сферах» [28, с. 11]. Проблему мы видим в завершающей части этого высказывания, поскольку О. Ю. Рыбаков *заранее* говорит о том, каким должен быть результат *предстоящего* общественного обсуждения. Этот результат, по его мнению, должен отражать именно «естественно-правовые основы взаимодействия государства и всех тех, кто составляет его основу — граждан» [28, с. 11]. Полноценная правовая коммуникация, допуская, конечно же, такое мнение, требует учета также и других мнений, в особенности по такому сложному вопросу, как выработка правовой доктрины. Мнение А. В. Полякова относительно философско-правового ориентира российского правоведения, совпадая философско-методологически с приведенной выше точкой зрения В. Д. Зорькина, принципиально расходится с мнением О. Ю. Рыбакова: «...различные народы и государства развиваются неодинаково, и их исторический путь не может представлять собой одномаршрутное и непрерывное восхождение к правовому идеалу. Россия, по-видимому, именно теперь более других нуждается не в “естественном” (лично-освобождающем), а в “совестливом” (лично-обязывающем) праве» [19, с. 231].

10. Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 136 с.
11. Стомба А. В. Феноменолого-коммуникативный подход А. В. Полякова: нуждается ли философия права в теории права? // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова: коллективная монография. Т. 1: Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 188–206.
12. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. СПб.: Изд-во Юридического факультета СПбГУ, 2005. 472 с.
13. Ясперс К. Всемирная история философии: Введение. СПб.: Наука, 2000. 272 с.
14. Честнов И. Л. Перспективы постклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова: коллективная монография. Т. 1: Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 20–32.
15. Розин В. М. Генезис права. М.: Изд-во «NOTA VENE» Медиа Трейд Компания, 2003. 336 с.
16. Луковская Д. И. Не все слова уже сказаны... (о коммуникативной теории права А. В. Полякова) // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова: коллективная монография. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 9–19.
17. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова: коллективная монография: в 2 т. / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. Т. 1. 373 с.; Т. 2. 533 с.
18. Сырых В. М. Неоплатные долги позитивистской доктрины права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова: коллективная монография. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С.
19. Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 222–233.
20. Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 856 с.
21. Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. С. 127–144.
22. Зорькин В. Д. Философия права: прошлое, настоящее и будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / сост. П. Д. Баренбойм, А. В. Захаров. М.: Изд-во «Летний сад», 2010. С. 28–45.
23. Будилов В. М. Савиньи и становление русского национального правоведения в первой половине XIX в. // Правоведение. 2014. № 3. С. 156–187.
24. Трубецкой Н. С. Русская проблема. URL: http://www.hrono.ru/statii/rus_problem.html (дата обращения: 19.10.2016).
25. Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 204 с.
26. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Изд-во «Норма», 2013. 496 с.
27. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. URL: http://dugward.ru/library/alexandr3/pobedonoscev_vel_log.html (дата обращения: 21.10.2016).
28. Рыбаков О. Ю. Стратегия права: в поисках гармонии личности и государства // Стратегия правового развития России: монография / авт. колл.; под ред. О. Ю. Рыбакова. 3-е изд. М.: Изд-во «Юстиция», 2016. С. 9–38.

Для цитирования: Будилов В. М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А. В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 4–25. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.101.

References

1. Polyakov A. V. [Preface to the first edition]. Polyakov A. V. *Obshchaia teoriia prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda* [General theory of law: problems of interpretation in the context of the communicative approach]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, pp. 5–6. (In Russian)
2. Polyakov A. V. [Modern theory of law. Answer the critics]. Polyakov A. V. *Kommunikativnoe pravoponimanie: izbrannye trudy* [Communicative understanding of law. Selected works]. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 394–439. (In Russian)
3. Marchenko M. N. [Problems of the understanding of the law and of the development of a common concept of law]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy pravoponimaniia: mater. III Mezhdunarodnoi nauch. konf., sostoiavsheisia 22–24 apreliia 2008 g. v Rossiiskoi akademii pravosudiia* [Theoretical and practical problems of the understanding of law. Materials of III International Scientific Conference held on 22–24 April 2008 in the Russian Academy of Justice]. Eds. V. M. Syryh, M. A. Zanina. Moscow, Publ. Russian Academy of Justice, 2010, pp. 53–69. (In Russian)
4. Bajtin M. I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [The essence of law (A modern normative understanding of law on the verge of two centuries)]. 2nd ed. rev. Moscow, Law and State Publ., 2005. 544 p. (In Russian)
5. Timoshina E. V. [Classical and postclassical understanding of law as thinking styles]. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiiu A. V. Poliakov: kollektivnaia monografiia. T. 1.* Kommunikativnaia teoriia prava v issledovaniakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov. Collective monograph]. Vol. 1. The communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists. Eds by M. V. Antonov, I. L. Chestnov; Preface D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 63–100. (In Russian)
6. Polyakov A. V. *Obshchaia teoriia prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda* [General theory of law: problems of interpretation in the context of the communicative approach]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 832 p. (In Russian)
7. Florensky P. A. [First steps of philosophy]. Florensky P. A. *Soch.: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1996, pp. 63–64. (In Russian)
8. Kozlihin I. J. O netraditsionnykh podkhodakh k pravu [On the unconventional approaches to the law]. *Pravovedeniye [Jurisprudence]*, 2006, no. 1, pp. 31–40. (In Russian)
9. Grevcov J. I., Khokhlov E. B. O iuridiko-dogmaticheskikh khimerakh v sovremennom rossiiskom pravovedenii [On law-theoretical Chimeras in the modern Russian jurisprudence]. *Pravovedeniye [Jurisprudence]*, 2006, no 5, pp. 4–22. (In Russian)
10. Varlamova N. V. Tipologiiia pravoponimaniia i sovremennye tendentsii razvitiia teorii prava [Typology of the understanding of the law and modern tendencies of development of the theory of law]. Moscow, Publ. State University Higher School of Economics, 2010. 136 p. (In Russian)
11. Stovba A. V. [Phenomenologically — communicative approach of A. V. Polyakov: does a philosophy of law need a theory of law?]. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiiu A. V. Poliakov: kollektivnaia monografiia. T. 1.* Kommunikativnaia teoriia prava v issledovaniakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov. Collective monograph. Vol. 1. The communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists]. Eds. M. V. Antonov, I. L. Chestnov; Preface D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 188–206. (In Russian)
12. Polyakov A. V., Timoshina E. V. *Obshchaia teoriia prava: Uchebnik* [General theory of law: Tutorial]. St. Petersburg, Publ. of the Faculty of law of the St. Petersburg State University, 2005. 472 p. (In Russian)
13. Jaspers K. *Vsemirnaia istoriia filosofii: Vvedenie* [World history of philosophy: Introduction]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 272 p. (In Russian)
14. Chestnov I. L. [Prospects of the postclassical communicative theory of law]. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiiu A. V. Poliakov: kollektivnaia monografiia. T. 1.* Kommunikativnaia teoriia prava v issledovaniakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov. Collective monograph. Vol. 1. The communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists]. Eds M. V. Antonov, I. L. Chestnov; Preface D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 20–32. (In Russian)
15. Rosin V. M. *Genesis prava* [The genesis of the law]. Moscow, Publ. “NOTA BENE” Media Trade Company, 2003. 336 p. (In Russian)

16. Lukovskaya D.I. [Not all words are already spoken ... (on the communicative theory of law of A.V.Polyakov)]. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiiu A. V. Poliakova: kollektivnaia monografiia*. T. 1. Kommunikativnaia teoriia prava v issledovaniikh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov. Collective monograph. Vol. 1. The communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists]. Eds M. V. Antonov, I. L. Chestnov; Preface D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 9–19. (In Russian)

17. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiiu A. V. Poliakova: kollektivnaia monografiia* [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov. Collective monograph]. In 2 vols. Eds M. V. Antonov, I. L. Chestnov; preface D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, vol. 1, 373 p., vol. 2, 533 p. (In Russian)

18. Syryh V.M. [Unpaid debts of the positivist theory of law]. *Kommunikativnaia teoriia prava i sovremennye problemy iurisprudentsii. K 60-letiiu A. V. Poliakova: kollektivnaia monografiia*. T. 1. Kommunikativnaia teoriia prava v issledovaniikh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. Dedicated to the 60th birthday of A. V. Polyakov. Collective monograph. Vol. 1. The communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists]. Eds M. V. Antonov, I. L. Chestnov; Preface D. I. Lukovskaya, E. V. Timoshina. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 222–233. (In Russian)

19. Polyakov A. V. [Petersburg School of philosophy of law and tasks of modern jurisprudence]. Polyakov A. V. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Communicative understanding of law. Selected works]. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 222–233. (In Russian)

20. Kozlihin I. J., Polyakov A. V., Timoshina E. V. *Istoriia politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and law theories]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2007. 856 p. (In Russian)

21. Antonov M. V., Polyakov A. V., Chestnov I. L. [Communicative approach and the Russian theory of law]. Polyakov A. V. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Communicative understanding of law. Selected works]. St. Petersburg, Alef-Press, 2014, pp. 127–144. (In Russian)

22. Zorkin V. D. [Philosophy of law: the past, the present and the future]. *Filosofii prava v nachale XXI stoletiiia cherez prizmu konstitutsionalizma i konstitutsionnoi ekonomiki* [Philosophy of law at the beginning of the 21st century through the lens of the constitutionalism and constitutional economics]. Compilers P. D. Barenboim, A. V. Zakharov. Moscow, Letny sad Publ., 2010, pp. 28–45. (In Russian)

23. Budilov V. M. Savin'i i stanovlenie russkogo natsional'nogo pravovedeniia v pervoi polovine XIX v. [Savigny and the formation of the Russian national legal Science in the first half of the 19th century]. *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2014, no. 3, pp. 156–187. (In Russian)

24. Trubetskoy N. S. *Russkaia problema* [The Russian problem]. Available at: http://www.hrono.ru/statii/rus_problem.html (accessed: 19.10.2016). (In Russian)

25. Timoshina E. V. *Politiko-pravovaia ideologiiia russkogo poreformennogo konservatizma: K. P. Pobedonoscev* [Political and legal ideology of the Russian conservatism after the reforms of the sixties of the 19th century: K. P. Pobedonoscev]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2000. 204 p. (In Russian)

26. Zorkin V. D. *Pravo v usloviikh global'nykh peremen* [The law in the midst of global change]. Moscow, Norma Publ., 2013. 496 p. (In Russian)

27. Pobedonoscev K. P. *Velikaia lozh' nashego vremeni* [The great lies of our time]. Available at: http://dugward.ru/library/alexandr3/pobedonoscev_vel_log.html (accessed: 21.10.2016). (In Russian)

28. Rybakov O. J. [Strategy of the law: in search of harmony of the individual and the State]. *Strategiia pravovogo razvitiia Rossii: monografiia* [Strategy of the legal development of Russia: a monograph]. A team of the authors; ed. by O. J. Rybakov, the third edition. Moscow, Justitia Publ., 2016, pp. 9–38. (In Russian)

For citation: Budilov V. M. General theory of law in the integrate context: the continuation of the dialogue (devoted to the second edition of the manual A. V. Polyakov “General theory of law: problems of interpretation in the context of the communicative approach”). *Vestnik SPbSU. Law*, 2017, vol. 8, issue 1, pp. 4–25. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.101.

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.,
рекомендована к публикации 1 декабря 2016 г.